OPEN ACCESS

Кобахидзе Е. И. Эволюция института начальной церковной школы в Осетии (1860—1917 годы) / Е. И. Кобахидзе, Б. В. Туаева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 378—395. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-378-395.

Kobakhidze, E. I., Tuaeva, B. V. (2021). Evolution of Institution of Elementary Church School in Ossetia (1860—1917). *Nauchnyi dialog, 10:* 378-395. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-378-395. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-378-395

Эволюция института начальной церковной школы в Осетии (1860—1917 годы)

Кобахидзе Елена Исааковна
orcid.org/0000-0002-0535-6263
Scopus Author ID: 8254792600
ResearcherID: L-8402-2017
доктор исторических наук, профессор
кафедры теории и истории
государства и права
elena_k11@mail.ru

Туаева Берта Владимировна
orcid.org/0000-0001-9745-7776
доктор исторических наук, профессор
кафедры российской истории
ms.amaga@mail.ru

Северо-Осетинский
государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова
(Владикавказ, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-09-00239

Evolution of Institution of Elementary Church School in Ossetia (1860—1917)

Elena I. Kobakhidze
orcid.org/0000-0002-0535-6263
Scopus Author ID: 8254792600
ResearcherID: L-8402-2017
Doctor of History, Professor
Department of Theory and History
of State and Law
elena_k11@mail.ru

Berta V. Tuaeva
orcid.org/0000-0001-9745-7776
Doctor of History, Professor
Department of Russian History
ms.amaga@mail.ru

North Ossetian State University
named after Kosta Levanovich Khetagurov
(Vladikavkaz, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR,
project number 20-09-00239

© Кобахидзе Е. И., Туаева Б. В., 2021

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрен процесс развития начальной церковной школы в Осетии во второй половине XIX — начале XX века. Показано, что, находясь под эгидой духовного ведомства, церковная школа в Осетии эволюционировала в соответствии с ориентирами, задаваемыми правительственной политикой в сфере образования, однако процесс трансформаций имел и свою специфику. Сообщается, что учреждением и поддержкой церковных школ занималось исключительно Общество восстановления православного христианства на Кавказе. Выяснено, что церковные школы оказались востребованными в среде горского крестьянства, стремившегося получить хотя бы элементарное образование, выполнявшее важные адаптивные функции в условиях распада традиционного быта и формирования новой социальной реальности в пореформенный период. Подчеркивается, что отсутствие государственной поддержки со временем лишало приходскую школу стимулов и перспектив к развитию. Утверждается, что церковная школа в Осетии, не выдерживая конкуренции со светскими учебными заведениями, к 1917 году была уже практически неспособна выполнять свои образовательные задачи и потому перестала удовлетворять местное население, которое начало выказывать заинтересованность в светских учебных заведениях начального уровня, полнее отвечавших возросшим образовательным запросам.

Ключевые слова:
церковная школа; Осетия; Российская империя; Св. Синод; начальное образование; образовательная политика; образовательные реформы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of development of an elementary church school in Ossetia in the second half of the 19th — early 20th centuries is considered. It is shown that, being under the auspices of the spiritual department, the church school in Ossetia evolved in accordance with the guidelines set by the government policy in the field of education, but the transformation process had its own specifics. It is reported that the establishment and support of church schools was exclusively concerned with the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. It was found that church schools were in demand among the mountain peasantry, who sought to get at least an elementary education that performed important adaptive functions in the context of the collapse of traditional life and the formation of a new social reality in the post-reform period. It is emphasized that the lack of state support over time deprived the parish school of incentives and prospects for development. It is argued that the church school in Ossetia, unable to withstand competition with secular educational institutions, by 1917 was already practically incapable of fulfilling its educational tasks and therefore ceased to satisfy the local population, which began to show interest in secular educational institutions of the elementary level, which more fully met the increased educational demands.

Key words:
church school; Ossetia; Russian empire; Holy Synod; elementary education; educational policy; educational reforms.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:372.4(470.65)“1860/1917”

Эволюция института начальной церковной школы в Осетии (1860—1917 годы)

© Кобахидзе Е. И., Туаева Б. В., 2021

1. Введение

Пореформенные десятилетия в истории Российского государства отмечены не только бурным развитием капиталистического производства и крупными социальными сдвигами, но и заметным оживлением сферы народного просвещения. Стимулами к ее модернизации стали как либерально ориентированные настроения широкой общественности и высшего руководства страны, так и сугубо практическая надобность в грамотных специалистах, способных эффективно работать в изменившихся социально-экономических условиях. Эта потребность одинаково остро осознавалась и в центральных губерниях, и на быстро развивающейся периферии империи, где в той или иной мере успешно апробировались новые подходы к организации системы народного просвещения, адаптируемой к вызовам времени.

В крупных российских городах ощутимые подвижки произошли в системе среднего образования, представленной главным образом гимназиями и училищами, готовившими выпускников к продолжению обучения в высших учебных заведениях и овладению профессией. Однако сословный характер образования практически закрывал их для беднейших слоев сельского и городского населения, которые могли получить элементарные знания лишь в учебных заведениях низшего уровня. Их устройством занималось по преимуществу православное духовное ведомство, поэтому церковная школа была ориентирована не столько на образование, сколько на воспитание в духе православия. Миссионерские задачи начальной церковной школы чрезвычайно актуализировались на «инородческих» окраинах, население которых следовало как можно скорее подготовить к «слиянию в один русский народ» [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 70, л. 24—25].

Церковная школа оказалась ведущей институциональной формой начального образования, доступной широким слоям населения, и на северокавказской периферии. Ввиду своей исключительной роли в формировании социокультурного ландшафта в регионе церковная школа заслуживает отдельного внимания. Пока же можно констатировать отсутствие целостного представления о динамике ее развития в регионе как самостоятельного института даже при наличии довольно обширной историогра-

CC BY

фии проблемы становления образовательного пространства на Северном Кавказе в конце XVIII — начале XXI веков [Бзаров, 2005; Гатагова, 1993; Кобахидзе и др., 2017; Ткаченко, 2009; Туаева, 2008].

2. Начальный этап развития церковной школы

Началом процесса формирования школьного образования на Центральном Кавказе можно считать открытие Осетинской духовной комиссией в 1764 году осетинской школы в Моздоке. В течение первой половины XIX века просветительская деятельность Комиссии была сосредоточена главным образом в Осетии, основная часть населения которой считалась христианской. Там открылось порядка 10 школ. Однако говорить о систематической работе по организации приходской школы на Центральном Кавказе можно лишь с 1860-х годов. С этого времени начинается активная миссионерская и образовательная деятельность Общества восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХ), в число первоочередных задач которого входило устройство в сельских приходах школ для детей горцев [ПСЗ-II, т. 35, отд. 1, № 35897, с. 731]. Именно приходская школа стала для них основной организационной формой начального образования, что закреплялось в утвержденных кавказским наместником «Правилах о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе» 1863 года [Материалы …, 1942, с. 116—123]. Эти же «Правила…» декларировали и главные цели в работе школы — воспитание учеников «в духе православной христианской веры», а также «распространение необходимых по образу жизни горцев, нуждам и занятиям их сведений» [Материалы …, 1942, с. 116]. Как и в России, школы в осетинских приходах устраивались по типу одноклассных, где обучение длилось два года, и двухклассных — с четырехлетним курсом.

Хотя образцом для приходской школы для горцев стала школа российская, чья деятельность регулировалась Положением о начальных народных училищах 1864 года, закреплявшим русский язык в статусе единственного языка преподавания [ПСЗ-II, т. 39, отд. 1, № 41068, с. 615], в школах ОВПХ обучение велось поначалу на родном для учеников языке («природном»), поскольку так детям было проще было усвоить азы грамотности, а преподавателям — вернее «образовать из горца человека и гражданина» [Материалы …, 1942, с. 123]. Впрочем, русский язык не исключался из учебной программы, и к его изучению дети переходили, лишь достаточно освоившись в грамматике родного языка.

Как бы ни была ограничена учебная программа приходских школ, местное население быстро осознало их практическую пользу. О востребованности приходской школы свидетельствуют, например, ежегодные

отчеты начальника Владикавказского округа Терской области, фиксирующие число подведомственных ОВПХ школ и количество их учеников. И если в конце 1860-х годов здесь в 20 приходских школах обучалось около 400 учеников, то к началу 1874 года (при сокращении по объективным причинам числа школ до 16) численность учащихся достигла уже 650 (из них 160 девочек) [Материалы …, 1942, с. 134]. Конечно, эти цифры можно считать мизерными, но и они дают представление о заинтересованности людей в получении начальных знаний.

В конце 1860-х годов церковная школа ведения ОВПХ стала полностью контролироваться профильным образовательным ведомством, а с апреля 1873 года приходские школы ОВПХ оказались поднадзорны кавказской учебной администрации, ведавшей педагогическими аспектами деятельности начальных училищ, открываемых в горских приходах. Дальнейшая их эволюция все более подчинялась основным направлениям правительственной образовательной политики, что дает основания говорить об интенсификации процессов интеграции кавказской начальной школы с российской.

3. Церковная школа в реформах 1870-х годов

1870-е годы ознаменовались проведением цикла образовательных реформ, ориентированных на создание в стране унифицированной многоступенчатой системы народного просвещения и на упорядочение самого учебного процесса. Низовой уровень в иерархии учебных заведений заняли начальные училища. Правовую основу их деятельности представляло принятое в мае 1874 года Положение о начальных народных училищах. В первом же пункте документа сообщалось, что «начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» [ПСЗ-II, т. 49, отд. 1, № 53574, с. 836]. Для начальных учебных заведений на всей территории Российской империи в определенной мере унифицировались учебные планы, а обучение предписывалось вести на русском языке.

Положение вводилось в 33 «земских» губерниях. Оно устанавливало такой порядок в организации элементарного образования, при котором церковь становилась лишь одной, хотя и достаточно влиятельной, из действующих сил в этом процессе. С одной стороны, нововведения должны были ускорить интеграцию институтов начального образования в общегосударственную систему народного просвещения. С другой же стороны, начальная школа служила инструментом для распространения среди окраинного населения идей российской государственности и «гражданственности», транслируемых через государственный (русский) язык.

CC BY

Но в Терской области распространение начального образования по-прежнему оставалось в исключительном ведении института духовного ведомства — ОВПХ. Заинтересованность в том, чтобы дети обучались грамоте, побуждала многие сельские общества Владикавказского округа активно включаться в процесс создания школ. Поощряемые администрацией, озабоченной увеличением числа начальных училищ, сельчане составляли общественные приговоры об открытии у них школ и даже брали на себя обязательства по постройке школьных зданий и содержанию (хотя бы половинному) приглашенных учителей и предоставлению им жилья [НА СОИГСИ, ф. 10, оп, 1, д. 69, л. 5—6].

Унификация образовательного пространства в Российской империи как основная посылка реформ МНП не оставляла места компромиссам, допускавшимся прежде в учебном процессе в приходской школе в Осетии (в частности, в отношении к языку обучения). И новые Правила начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе, принятые в 1874 году, объявляли их целью «сообщение детям горских семейств религиозных и нравственных понятий, а также распространение русского языка и первоначальных полезных знаний» [Материалы …, 1942, с. 132].

Однако, несмотря на трудности с обучением на незнакомом языке, горское крестьянство нуждалось даже в тех весьма скромных познаниях, которые давали приходские школы, и к концу 1870-х годов численность учеников 20-ти приходских школ Владикавкзского округа превысила 800 человек [Материалы …, 1942, с. 148].

Впрочем, деятельность администрации Кавказского учебного округа имела следствием рост лишь количественных показателей. Практика преподавания на русском языке, плохо приспособленные для занятий помещения (даже в специально выстроенных для этого зданиях), дефицит учебников, письменных принадлежностей, учебного оборудования наряду со слабой подготовкой учительского контингента значительно затрудняли процесс усвоения детьми учебного материала. Да и сами школы, несмотря на приток учащихся, тоже оставляли желать много лучшего. Отчеты инспектора школ ОВПХ пестрят указаниями на крайне неблагоприятное состояние помещений, предназначенных для занятий в селах Осетии: «удовлетворительное, но тесное» (в сел. Ольгинском), «плохое и тесное» (в Салугардане), «помещается в ветхом тесном и грязном здании» (в Дарг-Кохе), «помещение тесное, старое и неудобное» (в сел. Новохристиановском), «прекрасное, но тесное помещение в здании Садонского рудника» (в Садоне), «тесное, грязное, ветхое и холодное помещение» (в сел. Зарамаг), «помещается в тесном и неудобном здании, за-

нятия мастерствами происходят в турлучном доме» (в Даргавсе) и т. д. и т. п. [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 70, л. 13—21]

4. Курс на клерикализацию образования

В начале 1880-х годов, когда в стране изменился политический курс и официальная идеология, влияние церкви на начальную школу существенно возросло. Основное внимание в образовательной практике теперь уделялось искоренению из учебных заведений «крамолы» и «вольномыслия» путем усиления религиозно-воспитательной составляющей для укрепления в учащихся любви и уважения к Русской православной церкви, ее уставам и обрядам.

В центре реформ оказалась приходская школа как главный инструмент идеологического воздействия на население, что естественным образом обусловило приоритет Св. Синода в организации в стране начального образования. Правила о церковно-приходских школах 1884 года [ПСЗ-III, т. 4, № 2318] объявляли в качестве основного их воспитательное, а не образовательное, предназначение.

В начале 1885 года при Св. Синоде был создан Училищный совет по церковно-приходским школам, который занимался составлением и изданием соответствующих учебных программ. Надзорные функции на местах передавались епархиальным училищным советам, появившимся уже осенью 1884 года. Непосредственное заведование церковно-приходскими школами в каждой епархии переходило к епархиальному архиерею. Как и прежде, курс обучения рассчитывался на два года — в одноклассных школах и на четыре года — в двухклассных.

Всеобщая клерикализация образования определила развитие начальной школы и на Кавказе: здесь все церковно-приходские школы, в том числе ведения ОВПХ, были изъяты из управления Кавказского учебного округа и переданы в Св. Синод. В ходе реформы церковно-приходской школы были пересмотрены статус и функции самого ОВПХ — главного на Кавказе учреждения духовного ведомства, занимавшегося непосредственной организацией начальной школы в горских приходах. По инициативе обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева прежняя обособленность Общества от духовного ведомства ликвидировалась, и из ведения кавказской администрации оно перешло в подчинение духовным властям через экзарха Грузии, ставшего его председателем. Впрочем, светские власти от участия в делах Общества окончательно не устранялись, так как вице-председатель Совета ОВПХ назначался высшим должностным лицом в крае — главноуправляющим гражданской частью на Кавказе.

В обновленном уставе ОВПХ, вступившем в силу в феврале 1885 года, в первую очередь формулировались миссионерские цели Общества. Но актуальными оставались и образовательные задачи, и Общество по-прежнему обязывалось открывать школы в горских приходах [ПСЗ-III, т. 5, № 2726, с. 45], к которым применялись общие Правила о церковно-приходских школах 1884 года.

Но в течение следующих десяти лет осетинские школы по-прежнему курировались одновременно и местным духовенством, и администрацией Владикавказского округа, поскольку епархиальный центр и штат инспекции располагались достаточно далеко — в Тифлисе. Удаленность Терской области от управляющего центра епархии затрудняла решение образовательных задач, но главное — мешала реализации миссионерских целей в крае, большую часть населения которого составляли «иноверцы» и мусульмане. Владикавказская епархия, подчинявшаяся Грузинскому экзархату, в 1894 году получает самостоятельность, и церковно-приходские школы оказываются в ведении Владикавказского епископа. А после преобразования в начале 1895—1896 учебного года Александровского осетинского духовного училища в Ардоне в Александровскую миссионерскую духовную семинарию заведовать всеми церковно-приходскими школами стало Ардонское отделение Владикавказского епархиального училищного совета под председательством ректора духовной семинарии.

То, что управление школами перешло к структуре, расположенной на подведомственной территории, несколько изменило общее состояние начального образования в крае. К содержанию церковно-приходских школ, как и к их устройству, помимо ОВПХ и сельских обществ, теперь подключилось и духовное ведомство. Но в целом положение как самих школ, так и работающих в них учителей оставалось бедственным, поскольку официально выделяемых средств не только на развитие школьного дела, но и на поддержку уже существующих учебных заведений не хватало: деньги шли главным образом на содержание учительского персонала. К примеру, на эти цели Советом ОВПХ для 16 подведомственных школ ежегодно отпускалось в среднем 6979 руб. 68 коп. [Габеев, 1942, с. 20]. И хотя Св. Синодом выделялись некоторые суммы на постройку новых школ (около 2,5 тыс. руб. в год), их было недостаточно даже для возведения одного здания. Основное бремя по содержанию школ ложилось на сельские общества.

Не все учебные заведения в осетинских приходах находились в одинаковом положении, и порой из-за отсутствия помещений для занятий, нехватки учеников для открытия классов, дефицита учительских кадров и, в особенности, бедности населения, неспособного содержать школы

и учителей, некоторые из них приходилось закрывать (как, например, в сел. Махческ и Галиат [Материалы, 1942, с. 150—154]).

Тем не менее к концу девятнадцатого столетия спрос на школу в Осетии чрезвычайно вырос. Ни скудость знаний, которые давала церковно-приходская школа, ни сложности материального плана не останавливали людей в их тяге хотя бы к элементарной грамотности, которая создавала определенный фундамент для получения более широкого, а в условиях Северного Кавказа — профессионального образования и, соответственно, овладения одной из востребованных на рынке профессий. Само же образование рассматривалось в качестве социального ресурса, обеспечивавшего относительно безболезненную социализацию в общеимперском пространстве и более или менее успешную адаптацию к изменившейся социальной среде. Стремление жителей осетинских сел к устройству школ и готовность поддерживать их всем самым необходимым поощрялось и окружной администрацией, и церковными властями [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 74, л. 1].

Заинтересованность осетинского горского крестьянства в обучении детей привела к существенному превышению средней численности учеников в одной школе: во многих церковно-приходских школах она доходила до 100—150 человек, а в сел. Вольно-Христиановское в 1894 году было 269 учеников [Материалы …, 1942, с. 154]. Этот факт даже был отмечен в отчете обер-прокурора Св. Синода Победоносцева за 1896—1897 годы, писавшего, что при средней численности учеников церковно-приходской школы в России в 40 человек школы Владикавказской епархии отличались «многолюдностью»: в среднем в каждой из них обучалось 64 ученика (а по числу учеников школ грамоты, также находившихся в синодальном ведомстве, Владикавказская епархия оказывалась даже на первом месте — 41 ученик при среднем показателе в 25 человек) [Всеподданнейший отчет …, 1899, с. 225]. В 1894 году в 21 начальной церковной школе Осетии числилось уже 1986 учеников (среди них 379 девочек) [Материалы …, 1942, с. 153—154].

Но школ по-прежнему не хватало. И столь же болезненной, требующей самостоятельного решения, оставалась проблема преподавательских кадров. С 1896 года по инициативе Училищного совета при Св. Синоде начинают действовать так называемые второклассные (или низшие учительские) церковно-приходские школы для подготовки учителей в школы грамоты [Всеподданнейший отчет …, 1899, с. 221]. Школы эти задумывались в порядке эксперимента и получили распространение в основном в Европейской России, хотя единичные учебные заведения подобного типа устраивались и на Кавказе. Если в первый год была открыта 131 такая шко-

ла, то к 1 января 1898 года их число достигло 225 [Всеподданнейший отчет …, 1899, с. 225]. Но возросшее число низших учительских школ все же не покрывало дефицита учителей. Потребности в учителях начальных приходских школ не удовлетворяли и существующие духовные семинарии.

Аналогичная ситуация сложилась и в Осетии. В местных школах преподавали в основном воспитанники Александровской учительской школы в Тифлисе и Владикавказского осетинского женского приюта, но их было недостаточно. Наличие Александровской миссионерской духовной семинарии в Ардоне также не решало проблему обеспечения церковных школ Владикавказской епархии квалифицированными учителями. Семинария выпускала не более 15 учеников в год, и далеко не все они желали связывать свою жизнь со служением церкви и школе. Поэтому значительная часть учителей в осетинской церковной школе не имела соответствующей подготовки. Так, к примеру, в 1901 году в местных церковно-приходских школах и школах грамоты преподавал 81 человек, и только 49 из них имели звание учителя [Габеев, 1942, с. 23]. Неспроста жители ряда осетинских селений требовали, чтобы в их приходах устраивали двухклассные школы, причем с тем условием, что «Ардонское отделение будет отпускать жалованье двум правоспособным учителям с образованием *не ниже учительской семинарии*» (курсив наш. — *Е. К., Б. Т.*) [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 9, л. 24].

В несколько более выигрышном положении находились так называемые министерские школы, устраиваемые за казенный счет в городах и селах страны и комплектуемые профессиональными педагогами. К концу XIX века они уже составляли серьезную конкуренцию церковной школе. К тому же после 1897 года, когда последовали правительственные распоряжения о казенных вливаниях в народное образование, деятельность учебного ведомства активизировалась [Исторический обзор …, 1902, с. 653].

5. Попытки преодоления кризиса начала XX века

Положение о церковно-приходских школах ведомства православного исповедания, принятое Св. Синодом в апреле 1902 года для преодоления кризиса церковно-приходской школы и снятия остроты кадровой проблемы [ПСЗ-III, т. 22, ч. 1, № 21290], предложило новую модель организации начального образования. Теперь церковная школа подразделялась на два типа: начальную и учительскую. Начальная (собственно церковно-приходские школы, школы грамоты и воскресные школы) предназначалась для детей и взрослых, а учительская (второклассные и церковно-учительские школы) — для подготовки учителей в начальную школу. Продолжительность учебных курсов возрастала до трех лет в одноклас-

ных школах и до пяти лет в двухклассных. В одноклассных школах для «детей инородцев» вводился четырехлетний курс обучения. Школам следовало «распространять образование в духе Православной веры и Церкви» [ПСЗ-III, т. 22, ч. 1, № 21290, с. 207].

Меры, принятые Синодом для поддержания своей школы, привели к желаемым результатам лишь отчасти. Судя по отчетам главы духовного ведомства, число церковно-приходских школ в России действительно постепенно увеличивалось. Но общая обстановка в стране, стоявшей накануне революционных преобразований, не лучшим образом отражалась на церковной школе. Реформаторские идеи проникали и на северокавказскую окраину, в том числе в Осетию. Под их влиянием здесь формулировались требования реорганизации начального образования, которые вылились в открытый протест со стороны учителей церковно-приходских школ [Кобахидзе, 2018].

Духовное ведомство вынуждено было отстаивать приоритет церковной школы перед начальными училищами МНП. Однако именно об их открытии все чаще просили жители Осетии, причем даже в тех селах, где уже действовали школы церковно-приходские. Общественные приговоры о постройке училищ МНП во Владикавказском округе выносились десятками. Мотивировалось это желание прежде всего тем, что если церковно-приходская школа была сосредоточена на обучении грамоте, то более широкая учебная программа «министерской» школы значительно облегчала ее выпускникам путь к продолжению образования в учебных заведениях высшего разряда [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 9, л. 55—56] и, соответственно, полнее отвечала возросшим образовательным запросам местного населения.

И эти запросы приходилось удовлетворять. С 1904 по 1911 годы в Осетии открылось восемь двухклассных училищ МНП, в целом же к 1 января 1913 года на территории Владикавказского округа действовало 13 школ МНП, расположенных в основном в селах с преимущественно мусульманским населением [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 18, л. 1].

Тот факт, что жители осетинских плоскостных селений «охладели к церковным школам», констатировал даже епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ Осетии, признававший, что миссионерское значение церковных школ себя исчерпало [Материалы …, 1942, с. 186]. И действительно, реальное число выпускников церковно-приходских школ из года в год оставалось крайне низким, что, по мнению учебной администрации, свидетельствовало об их «непроизводительности».

Сложившаяся ситуация не могла не вызывать неудовольствия епархиального начальства. Для ее улучшения были приняты административные

меры: Ардонское отделение Владикавказского епархиального училищного совета, действовавшее фактически автономно, в феврале 1906 года закрывается, а вместо него, на основании Положения об управлении церковными школами 1896 года, синодальным указом во Владикавказе учреждается Владикавказское окружное отделение с подчинением его местному епархиальному училищному совету [Материалы …, 1942, с. 179].

В ведении окружного отделения к 1908—1909 годам состояло 16 церковно-приходских школ ОВПХ, среди которых значилось 5 двухклассных, расположенных в крупных плоскостных селениях Осетии: Ардоне, Владимировском (Батакоюрте), Гизели, Дарг-Кохе, Хумалаге. Все одни размещались в специально выстроенных каменных зданиях, на постройку которых пошли средства не только Совета ОВПХ и самих сельских обществ, но и Св. Синода. Несколько повысился и квалификационный уровень преподавательских кадров, среди которых были выпускники Ардонской и Тифлисской духовных семинарий, реального училища и женских прогимназии и гимназии во Владикавказе, а также учительских семинарий в Гори и Кутаиси. В среднем в осетинских церковно-приходских школах обучалось в те годы 1816 человек, из них 438 девочек [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 16, л. 22—25].

Но в целом проблемы церковно-приходских школ Осетии решены не были, продолжая оставаться предметом обсуждения во Владикавказском епархиальном училищном совете. Претензии предъявлялись главным образом к двухклассным школам, которые в синодальном Училищном совете были признаны «не привившимися», так как среди их выпускников практически не было детей, окончивших полный курс второго класса. Поэтому часть школ с одним учителем на два отделения, именуемых двухклассными, была реорганизована в одноклассные (в Садоне, Тибе, Даллагкау). Сельским обществам предложили изыскать средства на содержание положенных для двухклассных школ штатов [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 16, л. 18—19].

Но сам вопрос комплектации двухклассных осетинских школ квалифицированными кадрами оставался открытым. По признанию Владикавказского епархиального училищного совета, при понимании всей «необходимости, пользы и целесообразности» мер по обеспечению школ Осетии «надлежаще подготовленными постоянными учащими лицами», всё же выполнить их совет не в состоянии [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 16, л. 19].

Частные проблемы осетинских церковно-приходских школ отражали общее состояние не только церковной школы, но и вообще начального образования в России в первом десятилетии XX века. По-прежнему не-

решенными оказывались вопросы как материального, так и кадрового обеспечения низшей ступени образовательной системы. Извечный российский дефицит средств лишал доступа даже к элементарному образованию огромное число детей школьного возраста. В Кавказском учебном округе в 1908—1909 годах, по свидетельству его попечителя Н. Ф. Рудольфа, «число обучающихся определится цифрой 471 231 человек, что при 1 000 000 населения Кавказа и при 880 000 детей школьного возраста далеко не удовлетворяет потребности в доступном начальном образовании, так как около 46 % детей школьного возраста остаются без обучения». И для того, чтобы с уверенностью говорить, что «школа приобщила эту окраину к русской государственности и внедрила в массу местного населения любовь к Церкви, Царю и Отечеству», необходимо было многократное увеличение наличного числа учебных заведений начального уровня [Рудольф, 1914, с. 48]. Все более насущной становилась необходимость коренного реформирования начальной школы.

В основу реформы легла правительственная идея о всеобщем начальном обучении в Российской империи, сформулированная в ноябре 1907 года в виде соответствующего законопроекта, внесенного в Государственную думу. Документ содержал ряд ключевых положений, определяющих модель всеобщего начального образования в стране, основанную на сети школьных учреждений, охватывающей детей в возрасте 8—11 лет. В разработке школьной сети широкие права предоставлялись местным администрациям и церковно-школьному начальству. Для включения в школьную сеть учебному заведению, рассчитанному на четыре возрастные группы, необходимо было соответствовать ряду критериев: «иметь законоучителя и учителя, обладающего законным правом на преподавание, быть обеспеченным соответствующим школьным и гигиеническим потребностям помещением, учебными книгами и пособиями и доставлять детям бесплатное обучение». Нормальной считалась четырехлетняя продолжительность обучения в начальной школе, а нормальным числом детей на одного учителя признавалось 50; одна школа должна была обслуживать «местность с трехверстным радиусом» [О введении всеобщего начального обучения…]. Включенные в школьную сеть церковно-приходские школы финансировались из казны на равных с училищами МНП основаниях; содержание церковно-приходских школ, не вошедших в школьную сеть, обеспечивалось из местных источников.

И хотя соответствующий закон так и не появился, реформа начального образования все же началась. Импульсом к ней послужил закон от 3 мая 1908 года о значительном увеличении казенных ассигнований (почти 7 млн руб. в год) на начальное образование. Документ намечал основные

направления реформы, касающиеся материального положения учителей, наполняемости школ учениками 8—11 лет, деятельности органов местного самоуправления по организации школьного образования. Особо подчеркивался бесплатный характер обучения в начальных училищах [ПСЗ-III, т. 28, ч. 1, № 30328].

В отношении же церковно-приходской школы Св. Синод пришел к заключению о необходимости приближения ее к современным условиям. Для обсуждения вопросов управления церковно-приходскими школами, их учебно-воспитательной деятельности, «особливо же ввиду участия церковных школ в осуществлении задачи всеобщего обучения в России» в мае 1910 года состоялось чрезвычайное собрание синодального Училищного совета [Всеподданнейший отчет …, 1913, с. 305—315]. Епархиальному начальству предлагалось «принять под свое особое архипастырское попечение и покровительство» процесс включения церковных школ в формируемую школьную сеть [Всеподданнейший отчет …, 1913, с. 308].

Переход к всеобщему обучению и государственное финансирование школьной сети существенно повышали требования к начальной школе. Конечно, не все учебные заведения, тем более церковно-приходские школы, материально-техническое состояние большинства которых было удручающим, могли им соответствовать, а следовательно — и рассчитывать на государственную поддержку. В Осетии, например, при некотором увеличении числа церковных школ во втором десятилетии XX века (с 53 — в 1912 году до 62 — в 1917 году [Материалы …, 1942, с. 200—229]) ни одна из них в школьную сеть так и не попала. Это означало, что содержание школ полностью ложилось на «местные источники», то есть сельские общества и саму епархию, что заведомо лишало церковную школу всяких перспектив. Не выполняли свою роль и устроенные при церковно-приходских школах ремесленные классы, хотя именно за практическими навыками и шли в школу горские дети.

Проблема финансирования реформы начальной церковной школы в Осетии тесно связывалась с проблемой обеспечения самой школы учительскими кадрами. И дело было не только в том, что профессиональных педагогов катастрофически не хватало — многие из уже работавших в церковно-приходской школе просились перейти в школу ведомства МНП, где практиковались современные методы преподавания [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 20, л. 1].

И материально-техническое состояние, и дефицит кадровых ресурсов вели к тому, что к 1917 году в осетинских школах, подведомственных Владикавказскому отделению епархиального училищного совета, обучалось всего 5130 человек (в том числе и воспитанники начальных учеб-

ных заведений духовного ведомства, расположенных во Владикавказе) [Кобахидзе, 2018, с. 152], из которых лишь 444 ученика считались окончившими полный курс, причем только десятая часть их (42 человека) окончили двухклассную школу [Материалы …, 1942, с. 225—228]. Это означало, что церковная школа в Осетии неуклонно теряла лидирующие позиции в региональной системе народного просвещения.

В июне 1917 года Временное правительство определило почти все церковно-приходские школы, включенные в школьную сеть и пользующиеся государственной поддержкой, изъять из ведения Св. Синода и передать их образовательному ведомству. Однако осетинские церковно-приходские школы оставались в ведении епархиального училищного совета. Первый Всеосетинский учительский съезд, прошедший во Владикавказе в июле 1917 года, постановил все церковно-приходские школы Осетии преобразовать в общеобразовательные народные и управление всеми школами возложить на Северо-Осетинский Училищный Совет [Кобахидзе, 2018, с. 152]. Созданный Училищный совет обратился к епархиальному совету с требованием «по делам школ Северной Осетии сноситься с упомянутым училищным советом и ему же по примеру дирекции учебных заведений Терской области пересылать прошения о назначениях и др.». Все еще пытаясь отстоять свой приоритет в деле начального обучения, местные духовные власти не признали это требование правомочным. В сентябре того же года епархиальный училищный совет рекомендовал своему окружному отделению, чтобы оно «впредь до распоряжения о передаче церковно-приходских школ в ведение М. Н. просвещения руководствовалось существующими законоположениями и подчинялось подлежащей епархиальной власти и, в чем следует, епархиальному училищному совету» [Материалы, 1942, с. 233].

Октябрьская революция по-своему решила проблемы церковной школы, ликвидировав ее на основании Постановления СНК «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению». Передаче подлежали «все церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, миссионерские школы, академии и все другие…» вместе с их штатами и имуществом [Декреты Советской власти, т. 1, с. 210—211].

6. Заключение

Представляя равноценную альтернативу школе светской, церковная школа в Осетии долгое время оставалась единственным типом учебных заведений начального уровня для горского крестьянства. Ее эволюция опре-

делялась правительственной политикой в области народного просвещения, но организацию самой школы государство фактически перепоручило духовному ведомству, устранившись при этом от целого комплекса проблем. Отсутствие государственной поддержки лишало церковную школу возможности эффективно конкурировать со светскими учебными заведениями. Даже в попытках адаптироваться к быстро меняющимся условиям пореформенной России Св. Синод стремился через школу реализовать прежде всего миссионерские цели и задачи, являвшиеся неотъемлемой частью государственной национальной и конфессиональной политики, что отодвигало просветительские функции школы на второй план. Кроме того, образовательные запросы осетин со временем оказались шире, чем предложенная церковной школой программа, что уже в начале XX века привело к падению ее авторитета и переориентации населения на школу «министерскую», то есть светскую.

Источники и принятые сокращения

1. *Всеподданнейший* отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1899. — 279 с.

2. *Всеподданнейший* отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1913. — 338 с.

3. *Декреты* Советской власти. В 18 томах. Том 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — Москва : Политиздат, 1957. — 640 с.

4. *Материалы* по истории осетинского народа : сборник документов по истории народного образования в Осетии. — Орджоникидзе : Государственное издательство СОАССР, 1942. — Том 5. — 296 с.

5. НА СОИГСИ — *Научный* архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9, 16, 18, 20, 69, 70, 74.

6. *О введении* всеобщего начального обучения в Российской империи [Электронный ресурс] // Документы XX в. — Режим доступа : http://www.doc20vek.ru/node/1638 (дата обращения: 20.07.2021).

7. ПСЗ-II — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 2. — Санкт-Петербург, 1862. — Том 35, Отд. 1. — № 35897; 1864. — Том 39, Отд. 1. — № 41068; 1876. — Том 49, Отд. 1. — № 53574.

8. ПСЗ-III — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 3. — Санкт-Петербург, 1887. — Том 4, № 2318; Том 5, № 2726; 1904. — Том 22, Часть 1. — № 21290; 1911. — Том 28, Часть 1. — № 30328.

Литература

1. *Бзаров Р. С.* Очерки истории осетинской школы / Р. С. Бзаров // Историко-филологический архив. — 2005. — № 3. — С. 30—77.

2. *Габеев А. Я.* Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740—1917) / А. Я. Габеев // Материалы по истории осетинского народа : сборник документов

по истории народного образования в Осетии. — Орджоникидзе : Государственное издательство СОАССР, 1942. — Том 5. — С. 3—24.

3. *Гатагова Л. С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. / Л. С. Гатагова. — Москва : Россия молодая, 1993. — 143 с.

4. *Кобахидзе Е. И.* Первый Всеосетинский учительский съезд и задачи осетинской начальной школы / Е. И. Кобахидзе // Известия СОИГСИ. — 2018. — Выпуск 30 (69). — С. 147—174.

5. *Кобахидзе Е. И.* Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века / Е. И. Кобахидзе, Н. А. Ладонина. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2017. — 321 с.

6. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802—1902 / С. В. Рождественский. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1902. — 840 с.

7. *Рудольф Н. Ф.* Обзор деятельности Кавказского учебного округа за пятилетие 1908—1912 / Н. Ф. Рудольф. — Тифлис : Либерман и Ко, 1914. — 231 с.

8. *Ткаченко Д. С.* Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX — начала XX вв. / Д. С. Ткаченко. — Ставрополь : Альфа Принт, 2009. — 279 с.

9. *Туаева Б. В.* Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект / Б. В. Туаева // Известия Алтайского государственного университета. — 2008. — № 4/5. — С. 207—213.

Material resources

Decrees of the Soviet government, 18/1. October 25, 1917 — March 16, 1918. (1957). Moscow: Politizdat. 640 p. (In Russ.).

Materials on the history of the Ossetian people: a collection of documents on the history of public education in Ossetia, 5. (1942). Ordzhonikidze: State Publishing House SOASSR. 296 p. (In Russ.).

NA SOIGSI — *Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. F. 10*. (In Russ.).

On the introduction of universal primary education in the Russian Empire. In: *Documents of the XX century.* Available at: http://www.doc20vek.ru/node/1638 (accessed: 20.07.2021). (In Russ.).

PSZ-II — *Complete collection of laws of the Russian Empire, 2*. St. Petersburg. (In Russ.).

PSZ-III — *Complete collection of laws of the Russian Empire, 3*. St. Petersburg. (In Russ.).

The most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Department of the Orthodox Confession for 1896 and 1897. (1899). St. Petersburg: Synodal Printing House. 279 p. (In Russ.).

The most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of the Orthodox Confession for 1910. (1913). St. Petersburg: Synodal Printing House. 338 p. (In Russ.).

References

Bzarov, R. S. (2005). Essays on the history of the Ossetian school. *Historical and philological archive, 3:* 30—77. (In Russ.).

Gabeev, A. Ya. (1942). The main stages of the development of public education in Ossetia (1740—1917). In: *Materials on the history of the Ossetian people: a collection of documents on the history of public education in Ossetia, 5.* Ordzhonikidze: State Publishing House SOASSR. 3—24. (In Russ.).

Gatagova, L. S. (1993). *Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century*. Moscow: Young Russia. 143 p. (In Russ.).

Kobakhidze, E. I. (2018). The First All-Ossetian Teachers' Congress and the Objectives of the Ossetian Primary School. *Izvestiya SOIGSI, 30 (69):* 147—174. (In Russ.).

Kobakhidze, E. I., Ladonina, N. A. (2017). *Development of the educational potential of Ossetia in the second half of the XIX century*. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 321 p. (In Russ.).

Rozhdestvensky, S. V. (1902). *Historical review of the activities of the Ministry of Public Education, 1802—1902.* St. Petersburg: State Printing House. 840 p. (In Russ.).

Rudolph, N. F. (1914*). Review of the activities of the Caucasian educational district for the five years, 1908—1912*. Tiflis: Lieberman and Co. 231 p. (In Russ.).

Tkachenko, D. S. (2009). *School education in ethnocultural politics in the North Caucasus in the 19th — early 20th centuries*. Stavropol: Alfa Print. 279 p. (In Russ.).

Tuayeva, B. V. (2008). Features of the formation of the North Caucasian multicultural society in post-reform Russia: the people's educational aspect. *Bulletin of the Altai State University, 4/5:* 207—213. (In Russ.).